

Николаевичъ, сознайтесь, что вы все же немножко промахнулись и пересолили проявление „дружескихъ порывовъ“?

Петръ Николаевичъ сдѣлать нетерпѣливое движеніе, Анна весело продолжала:

— Но я поправлю вашъ промахъ — я принимаю приглашеніе, Вѣра, и завтра буду у васъ.

Петръ Николаевичъ вспыхнулъ.

— Вы этого не сдѣлаете!

— Почему же? Я въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ мужемъ. Мы разстались, пожавъ другъ другу руку, и теперь, встрѣтаясь опять, пожмемъ другъ другу руку.

— Но не у меня въ домѣ, — вспыхнулъ Петръ Николаевичъ, — я этого не желаю, это съ вашей стороны просто дерзость!

— Кому?

— Какъ кому!

— Кому, скажите? — не выходя изъ своего спокойствія настаивала Анна, — насъ пятеро: вы, Вѣра, я, мужъ и прекрасная испанка. Мы трое между собой, какъ видите, въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Съ мужемъ вы хороши и я хороша. Остается номеръ пятый.

— Хотя бы для номера пятого.

Анна расхохоталась.

— Ахъ вы, умникъ, — сказала она: — да номеръ-то пятый не считается, и его никогда въ соображеніе не принимаютъ. Вы чуть ли не звѣзды съ неба хватаете, милѣйшій Петръ Николаевичъ, а самыхъ простыхъ вещей не знаете. Номеръ пятый сегодня съ Викторомъ, а завтра... — она пристально и весело заглянула Петру Николаевичу въ самые глаза, — ну завтра хоть съ вами, что ли! — въ упоръ и лихо бросила она Петру Николаевичу обиду въ лицо и движеніемъ головы стряхнула со лба непослушный сѣдѣющій клокъ.

Негодованіе Петра Николаевича было безпредѣльно. Онъ бросилъ руку жены.

— Анна Игнатьевна, вы забываетесь! — воскликнулъ онъ.

— Я шучу, — небрежно отозвалась Анна, — впрочемъ, простите, если шутка моя уязвила васъ. Я упустила изъ виду, что такой серьезный человѣкъ, какъ вы, можетъ не любить шутокъ. Полно, Петръ Николаевичъ, вы видите — враждебный лагерь сдается, — и она протянула ему руку, которую онъ долженъ былъ принять. — А теперь говорю совершенно серьезно и настаиваю, чтобы вы пригласили и меня. Я скажу вамъ почему: этимъ вы отнимете охоту у прекрасной испанки навѣщать васъ часто, и